

Поступь смерти / The March Of Doom (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

**Поступь смерти / The March Of Doom
(рассказ)**

Автор	Крис Райт / Chris Wraight
Переводчик	трерук
Издательство	Black Library
Входит в сборник	The Empire Omnibus
Источник	Games Day Anthology 2011
Год издания	2011
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Матильда кричала.

Её губы скривились, дряблое тело задрожало. Капельки слюны, словно яркие жемчужины, взметнулись в воздух.

Мужчины и женщины вокруг неё тоже кричали. Махали исхудавшими руками, обёрнутыми в рванину из

грязной шерсти и кожи. Сжатые добела кулаки, туго надутые канаты вен на шеях.

Страх не было. Они давно разучились бояться. Не забыли только ненависть, славу и саму жизнь. Всё их существование превратилось в вопль – долгий, нескончаемый крик единодушия и жестокости.

Они побежали. Вверх по скользкому от грязи склону, взбивая ногами слякоть, оступаясь и падая друг на друга, только бы добраться до врага.

Охрипшая от нескончаемого крика, Матильда неслась в первых рядах. Она тяжело поднималась вверх, цепляясь свободной рукой за землю, поскользываясь на истоптанной траве.

Проливной дождь превращал изборождённую ногами грязь в скользкое серое болото. Низкое, тёмное небо свысока хмурилось на них. Далеко на востоке раскачивался дремучий, густой, словно спутанные волосы, Драквальдский лес.

На горе стояли зверолюди.

Они ревели и топали копытами, трясли тупыми клинками и размахивали знамёнами из рваных шкур.

Сотни их собрались здесь. Они смердели тухлой кровью, мускусом и мокрыми шкурами. Хриплым оглушительным рёвом они бросали людям вызов.

- Смерть нечистым! – проорала Матильда.

Она добралась до гребня горы и бросилась в толчею уродливых тел.

Словно два помойных стока с грохотом сошлись две армии. Ни ярких бликов на начищенных доспехах, ни цветастых стягов, развевающихся в лучах солнца. Меньше тысячи с каждой стороны. Каждый открытый участок кожи измазан грязью или покрыт коростами, болячками и гнойными ранами. Люди пахли не лучше животных, а некоторые своим видом напоминали их даже больше чем зверолюды.

Враги рубили, кололи, били, тыкали и душили друг друга. Ни стратегии, ни тактики, только голая ненависть.

Гор с лошадиной мордой неуклюже замахнулся на Матильду, та пригнулась, но прежде чем смогла ударить в ответ, лысый мужчина с ожогом в виде кометы на лице снёс зверолюду голову.

На её пути вырос худой ангор с костлявыми лапами и серой кожей. Он махнул запачканным теслом, метя ей в голову, и рассчитывая, что она ответит секачом.

Матильда расхоталась и хорошенько приложила его кулаком. Когда голову ангора дёрнуло назад, она засмеялась снова, потом ещё, когда врезала ему по морде: она хихикала, погружая пальцы в глазницы, чтобы выдавить студенистые шарики, прячущиеся внутри, фыркала как маленькая девчонка, разрывая ангору глотку, мощными рывками выдирая сухожилия и выворачивая позвоночные хрящи.

Звери были на голову выше людей. Сильнее, лучше вооружены и одержимы присущим всему их роду коварством и жадной битвы. Но на них, словно река в половодье, набросилась армия орущих фанатиков – они нахлынули на их защитные порядки и сошлись в рукопашной.

Десятки воинов пали во время нелепого подъёма. Ещё больше было вырезано, когда фанатики сошлись с врагом вплотную. Их избивали до смерти, пускали кишки острым железом, потрошили жуткого вида клыками.

Но людям было плевать, их это не останавливало. Они теснили зверей, вытирая кровь с распахнутых глаз, в унисон распевая хвалы Зигмару. Они были единым целым, одной сущностью, воплощённым отмщением.

Завидев крупного варгора с красными глазами и слюнявой пастью, Матильда развернулась и резко махнула секачом, отбивая несущийся на неё кинжал. От удара по руке прошла дрожь. В тот же момент она бросилась вплотную к противнику и, отводя секач назад и в бок, вцепилась пальцами ему в морду, стараясь дотянуться до его красных глаз, словно это были рубины.

Гор отмахнулся от неё и ударом огромного кулака свалил Матильду на колени. Он высился над ней, готовясь нанести смертельный удар.

Матильду шатало, перед глазами всё плыло. Смутно она почувствовала, что вот-вот умрёт, и от этого её неожиданно бросило в яростный экстаз.

Он воззвала к Зигмару и, оглядываясь в поисках противника, с трудом поднялась с колен.

Но гор уже исчез. На его месте стоял высокий мужчина. В тяжёлых, тусклых от дождя доспехах, он ярко выделялся среди прочих людей. Сквозь пелену ливня виднелось угрюмое лицо с грубыми чертами – сочувствия не больше чем у чугунной болванки. Фрагмент священного писания был туго привязан к его лбу ремешками из морёной кожи. Мощные руки, закованные в серую сталь, сжимали тяжеленный боевой молот. И кровь – кровь убитого гора – грязными ручейками стекала с рукояти.

У Матильды словно выросли крылья. Если до этого она и так вопила не переставая, то теперь её крики стали ещё громче.

- Отче! - проревела она, коснувшись пальцами ожога в виде кометы на лбу. Повсюду вокруг неё фанатики подхватили крик. - Отец Всемогущий!

Лютор Гусс из Церкви Зигмара, человек, давший Матильде всё и столько же потребовавший взамен, если и слышал её, то виду не подал. Он шагал вперёд, размахивая огромным молотом, будто пёрышком; лицо было непроницаемо, словно железная маска, тонкие, упрямо сжатые губы разомкнулись лишь раз, только чтобы вымолвить одно-единственное слово.

Матильда была далеко и не слышала, что он сказал. Она снова сражалась, рубя своим секачом во славу Зигмара. В суете и грохоте праведной битвы слова утрачивали всякий смысл.

Но слово было сказано. В вихре жестокой резни он тихо произнёс его, и тот же час молот ожил вновь.

- Кольсдорф, - вымолвил он, и голос его был полон горечи.

- Ну, знаешь, ты просишь невозможного, - произнёс маркграф Борс фон Ахен.

Его голос был спокоен, даже добр. Толстые губы, блестевшие от выпитого недавно вина, растянулись в деланой улыбке.

Лютор обернулся, на лице священника было написано презрение.

- Я никогда не прошу невозможного, - ответил Гусс, его низкий голос был спокоен. - Всё выполнимо с благословения Зигмара, и я прошу тебя исполнить Его волю, а значит, прошу лишь того, что можно

претворить в жизнь.

Фон Ахен заморгал и удивленно посмотрел по сторонам.

- Замечательно. Образованный священник.

Он откинулся в своём кресле, и его жирный подбородок затрясся.

Маркграф был разодет в горностаевые меха и шелковые одежды, плотно облегающие его круглый живот. Возле него на низких деревянных креслах полукругом сидели восемь бургеров. До полудня было ещё далеко, но у стен в приёмной уже горели факела.

Гусс стоит перед собравшимися: ноги расставлены широко, плечи расправлены, руки сжимают навершие боевого молота. Свет факелов отражается на его тяжёлой броне и бритой голове. Он на целый фут выше самого крупного из присутствующих, а плечи по ширине не уступают фон Ахенову брюху.

Небеса за стенами здания хмурились от предстоящей грозы. На полу валялась старая солома, потрескавшийся камень на стенах был чем-то испачкан.

Не самое богатое местечко этот Кольсдорф.

Гусс то и дело оглядывал присутствующих, и когда его взгляд падал на лица сидевших перед ним бургеров, те один за другим опускали глаза.

- Зверолюди выходят из Драквальда. - сказал он. - Их можно победить, но лишь силой можно вселить в них страх. Именно сейчас, пока стадная ярость не выгнала из леса ещё больше тварей. Если ждать их здесь, опьянённые кровью звери перебьют вас всех.

Фон Ахен вяло махнул в сторону стены.

- Эти стены толщиной в пять футов, священник. У нас есть ратники, есть укрепления и припасы. Даже тысяча звероловов не войдёт сюда.

Гусс нахмурился.

- Ваши люди в опасности. Деревни окрест уже горят.

Фон Ахен дёрнул бровью.

- Мои люди? - он слегка скривился от отвращения. - Если те, кто вопиет там о помощи так и не догадались искать убежища в городе, то вскоре они поплатятся за свою глупость.

Маркграф покачал головой.

- Я уже распорядился. Никто с тобой не пойдёт. За этими стенами ты будешь один.

Гусс терпеливо слушал, ни один мускул не дрогнул на его лице, только в чёрных глазах, ярко выделяющихся на фоне бледной кожи, тускло блеснул огонь.

- Я не буду один, - тихо сказал он.

Фон Ахен с сожалением посмотрел на него и, словно объясняя что-то деревенскому простаку, продолжил:

- Послушай, отсюда до опушки леса регулярных войск нет. Может зверьё и разорит наши деревни, но это лишь выветрит ярость из их голов, а нам будет стоять только крестьян. Остаься и пережди бурю здесь.

И только тогда глаза Гусса засверкали яростным огнём. Лишь при упоминании крестьян он повысил голос.

- Они сыны и дочери Хельденхаммера.

Он по-прежнему говорил спокойно, но тон был уже другим.

- Его возлюбленные дети. Ради них Он проливал слёзы и кровь. Они - душа Империи, Его наследие и слава.

Речь эхом разнеслась по зале, и бюргеры нервно заёрзали в своих креслах. Пламя факелов, кажется, внезапно стало ярче.

- Если вы не будете сражать за них, я буду. Я покажу им, кем они могут стать. Зажгу их сердца священным огнём, наполню их члены силой предков. Я не вспомню об их скорбной жизни, но помяну их ярость.

Он вскинул молот и крепко сжал его обеими руками.

- Я дам зверю бой. Я отправлюсь на восток и изгоню скверну из царства людей.

Фон Ахен сглотнул, сиюсь не отвести взгляда от безжалостных глаз Гусса.

- И когда закончу, я вернусь, - с нескрываемым отвращением продолжил священник. - Молись, маркграф, чтобы я сделал это до того, как звери разорвут тебе глотку и пожрут твою бесполезную, жирную плоть.

* * *

Едкая вонь от костров наполнила сырой воздух. По перепаханной земле тяжёлыми струями полз чёрный, жирный дым. Ветер хлестал его, тащил клочьями по полю брани.

Не обращая внимания на кровь, заляпавшую лохмотья и пронизывающий ветер, фанатики стояли на коленях и молились. Трупы звероловов стащили в кучи и подожгли. Но прежде чем их облили маслом, каждое тело было ритуально обезображено - им вырывали глаза или отрезали когтистые пальцы. Мелочь, но для фанатиков она значила много. Лишь праведники - люди, защитники Драквальда - уходили на вечный покой такими, как были убиты.

Гусс стоял на гребне холма и, скрестив руки, наблюдал, как на западе затухает бледный солнечный свет. По доспехам барабанил дождь, смывая со стальных пластин кровь.

Четырнадцать дней он собирал в лесах разбежавшихся людей, пытаясь сбить из уцелевших некое подобие войска. Четырнадцать дней прошло с тех пор, как он оставил в мрачном, грязном городишке того толстяка с его призрачными надеждами на спасение.

Лишь теперь он возвращался назад, следуя за растущими бандами зверолодов, направляющихся на запад к вожделенной добыче.

Пока он смотрел, из сгущающегося сумрака вышла колонна. Люди шли медленно, хромя и таща за собой тяжёлые тюки. На телах некоторых зияли жуткие раны. Глаза были усталы и пусты.

Гусс подождал, пока они подойдут. Он молчал, но взгляд его непроницаемых, холодных глаз чуточку смягчился.

- Поднимитесь, - приказал священник, когда первый из новоприбывших доковылял до света костров.

Вокруг него армия фанатиков встала с колен и жадно открыла глаза. Они обернулись, чтобы рассмотреть новичков. В их усталых лицах не было враждебности - здесь, среди диких лесов все они находились в одинаково отчаянном положении.

Путник подошёл к Гуссу, остановившись в нескольких шагах от великана. Тощий, с грязной бородой и красными кругами вокруг глаз. Под разорванной звериными когтями рубахой были видны проступающие сквозь кожу рёбра.

- Ты Гусс? - сипло спросил он.

Священник кивнул.

- Чего ты ищешь?

Человечек опустил плечи. Казалось, он готов был разрыдаться от отчаяния. Все, кто стоял позади него тоже. Они были раздавлены. Исстари здесь, в непроходимых болотах на севере Империи говорили, что выжить после нападения зверолодов - хуже смерти.

- Я не знаю, - он хрипел от горя и усталости. Горький стыд не давал поднять глаз. - Милости Зигмара... Я не знаю!

Лютор подошёл и положил руку ему на плечо. Для этого ему пришлось наклониться. Движение было мягким - эти мощные руки, в припадке священной ярости разрывавшие зверолодов напополам, стали теперь нежны.

- Я научу тебя, сын Зигмара, - начал он. Голос был тих, но в нём чувствовалась властность.

Человечек взглянул на священника и его красные от слёз глаза выдали потаённое желание. Его дрожащие на ветру собратья в лохмотьях так же смотрели на Гусса.

- Я дам вам оружие, и решимость его использовать. Волью в вас новые силы. Сделаю вас орудием в руках Повелителя Человечества.

Гусс указал на кучи пылающей зверолодской плоти.

- Вот что мы сделали с ними. И так будет с каждым. Вверьте мне свои души, позвольте мне слепить из вас своих приверженцев, и вы тоже так сможете.

Гусс наклонился ещё ближе, его глаза буквально вцепились в измождённое лицо путника.

- Ты сделаешь это, сын Зигмара? Отдашь себя?

Тот глядел на него, и в слезящихся глазах засветилась глубокая, отчаянная надежда.

- Да, - выдавил он. - Научи, как служить тебе, господин. Научи убивать за тебя.

Фанатикам не терпелось принять в свои ряды свежую кровь, и повсюду среди них уже раздавались молитвы и хвалы Зигмару. Безо всяких приказов несколько бойцов подошли к Гуссу. В руках у них были длинные металлические прутья, на концах которых гневно алели раскалённые в пламени костров клейма в форме двухвостой кометы.

Гусс взял один. Он поднёс прут к путнику, и от клейма распространился дрожащий свет. Глаза человека расширились от страха, но он остался на месте.

- Это знак служения, - произнёс Гусс, опуская клеймо на лоб дрожащего мужчины. - Метка надвигающейся смерти.

С этими словами он прижал прут ко лбу.

- Отбрось страх. Боль мимолётна. Спасение, истинно говорю тебе, вечно.

Они шли по усеянной трупами земле на запад от Драквальдского леса, к излучине реки, ползущей, словно полоска серого металла через обугленные равнины.

Распевая на ходу молитвы, фанатики спешно шагали вперёд. Они пробирались через океаны чёрной грязи, не обращая внимания на ветер, швыряющий им в лицо потоки дождя и мокрого снега, не чувствуя старых незаживающих ран.

Во главе колонны четыре здоровяка в прочных кожаных камзолах несли над головами жаровни, в которых никогда не затухал огонь. Там, в железных клетях ревело пламя, алое, словно сердце праведника. За жаровнями тянулся след чёрного, маслянистого дыма.

Фанатики проходили через разорённые деревни. Стены домов были разрушены до основания, соломенные крыши - сожжены, колодцы - загажены. Повсюду лежали зловонные следы пребывания звероловов. На глинистой почве - отпечатки копыт, глубокие, заполненные водой.

Воины останавливались лишь для того, чтобы сорвать звериные стяги: измазанные кровью кривые шесты, увенчанные черепами и перьями. Шесты были ритуально изрублены на куски, и Гусс изгонял из них духов разрушения.

И снова на марше, тяжёлый, изматывающий переход. Всё время на запад, под оглушающий аккомпанемент хвалебных песнопений и пылких криков.

К ним постоянно прибывались новобранцы. Они шли отовсюду: привлечённые шумным ором, по случайности набредавшие на колонну, или, возможно, ведомые некой незримой силой. Теперь войско Гусса перевалило за тысячу. Он клеймил знаком кометы каждого, кто нетвёрдой походкой приближался к нему. Он благословлял их, давал оружие. Каждый день на закате зажигались огни и калились клейма.

То и дело Лютор спрашивал своих новых последователей, не видали ли они банд звероловов, и всегда ответ был один:

- Они идут на запад, повелитель.

Гусс тогда обыкновенно кивал и отдавал приказ выступать.

Спустя десять дней после битвы на перевале фанатики достигли своей цели. Они забрались на вершину невысокого, продуваемого всеми ветрами холма, и перед ними раскинулась покрытая лабиринтами жутких болот земля. То здесь, то там топи расступались перед толстой, узловатой травой, которая блестела в рассеянном свете, будто её намазали маслом.

На горизонте горел обнесённый стеной город. Столбы дыма вились над пожарищами, словно пальцы какого-то мстительного божества вытянутые с чернеющих небес на землю.

Гусс спокойно глядел вперёд. Долгое время он ничего не говорил, лишь щурил свои тёмные глаза, вглядываясь в темноту.

Фанатики ждали его приказа. Они с трудом сдерживались, но ждали его слова. Ждали, как и всегда.

Гусс медлил. Он раздумывал, заслуживает ли Кольсдорф спасения.

Своим отказом выступить на зверолов до того, как их жажда крови достигнет своего пика, маркграф обрёк десятки отдалённых деревень на разорение. Теперь же орда глубоко вцепилась людям в глотку, и на запах крови из чащи повалило ещё больше гор. Факт того, что уверенность Ахена в городских стенах оказалась напрасной, утешал мало.

Всё могло быть иначе. Столь многого можно было избежать.

И теперь Гусс взвешивал все за и против, зная, что его направят свыше. Как и всегда он в почтительном молчании пытался познать истину.

Приняв решение, он проворно двинулся вперёд, поднял свой боевой молот и ухватил его обеими руками.

- Сыновья и дочери, - его голос разнёсся по рядам фанатиков. - Во имя Того, кто собирает праведников подле Себя.

Его тонкие губы растянулись в жестокой ухмылке.

- Убить всех.

Матильда застряла где-то в арьергарде среди путаной массы шаркающих и спотыкающихся ног больных и стариков. За недели перехода от голода её кожа пообвисла и одрябла, но накопленного за долгие годы жира оставалось ещё много.

Передние ряды фанатиков уже пробилась через стены, и Матильда следовала за ними, оступаясь на разрушенной каменной кладке и отбрасывая в стороны подгнившие доски. Как только воины оказались внутри, они разбежались по узким улочкам, гавкая словно псы. Повсюду стояла звериная вонь, и они со сверкающими от ярости глазами шли по её следу.

Кольсдорф лежал в руинах. Бушевали пожары, а из центра города то и дело долетали вопли ужаса и боли. В грязи валялись тела с вывернутыми шеями и переломанными ногами и руками. Кучи дерьма и внутренностей лежали, где только можно, и вокруг них уже вились тучи жирных мух.

Матильда не могла бежать быстрее. Объёмное тело тормозило её, короткие ноги поскальзывались в грязи. Ей оставалось только смотреть, как более худые фанатики, мельтеша костлявыми ногами, пробегали вперёд неё, и как их похотевшие на черепа лица кривились в маски животной ненависти.

Но и она внесла свою лепту. Орала вместе со всеми, ковыляла, как могла, задыхаясь от вони звероловов и крепко сжимая обеими руками секач.

Охота захватила её. Она позабыла свою прошлую жизнь: как прислуживала в кузнице, как растила девятерых горластых карапузов, еле сводя концы с концами в суровых землях Мидденланда. Позабыла, как было тяжело носить воду, как ломала спину на полях. Исчезли из её памяти и редкие улыбки, расцветавшие на лицах людей, когда солнце выглядывало из-за туч, и мокрая земля покрывалась цветами.

Всё пошло прахом. Дети давно умерли. Муж тоже, ему ржавым ножом вспорол живот красноглазый зверь, что пришёл из лесной чащи. Причитая и плача, Матильда бежала тогда в дикие земли, утратила себя в мире ужаса, как и все остальные, кто сумел выбраться из бойни.

Потом встретила Гусса, и жгучая боль кометы очистила её от былых страхов. Ничего она теперь не боялась, ни от чего не спасалась. Теперь она дочь Зигмара, ослепительный луч света во тьме разорённого мира.

- Убить всех! - вопила она, вторя последнему приказу Гусса и выискивая дичь среди руин. - Найти и убить всех!

Пробравшись через развалившуюся таверну, она набрела на желаемое. Перед ней открылся внутренний дворик, огороженный убогими, покосившимися строениями и усеянный клоками вонючей соломы. Невдалеке сквозь пелену дыма виднелись каменные стены зигмаритской часовни. Там горожане образовали последнюю линию обороны, и теперь звероловы кружили вокруг неё, швыряя камни в витражные окна и колотя в двери железными топорами. Авангард фанатиков уже ворвался в звериную орду, налево и направо раздавая яростные удары.

- Смерть! - завизжала Матильда, устремившись на зверей. - Смерть! Смерть!

Она махала секачом над головой, и хлопья застарелой крови сыпались во все стороны. Рот широко раскрылся от крика, обнажив ряд пожелтевших зубов. Матильда бросилась в толпу, и глаза её горели радостным огнём.

Лютор зло отмахнулся молотом, и боёк с влажным хрустом врезался во что-то. От удара козломордый гор отлетел назад с проломленной грудной клеткой. Задыхаясь в агонии, он коротко заблеял, но тут же был повален на землю дюжиной цепких рук. Фанатики забрались на него, выдавливая глаза, отрывая с морды куски кожи, срезая пучки шерсти с окровавленной шкуры.

Священник тем временем двигался дальше и, калеча тела звероловов широкими размахами молота, ворвался в гущу сражения. Он был огромен, словно бастион спокойствия, возвышающийся над суетной толчей тел.

Повсюду вокруг него фанатики бросались на чудовищ. Дворик был завален трупами, людскими и звериными. Ни та, ни другая сторона не думала уступать. Зверьё, оторванное от вождельной резни, изливало свою ярость на наступающие ряды фанатиков, они низко опускали рогатые головы, чтобы бодать и увечить людей, а те в ответ обрушивались на них, невзирая на смотрящую со всех сторон смерть, карабкаясь на тела павших, только бы подобраться ближе, только бы ударить, уколоть, укусить.

И гибли толпами. Но им было всё равно. Они перестали существовать, как отдельные души, что пекутся

лишь о своих жизнях и помыслах, стали единой массой, воплощённым выражением открытого небрежения к себе. Они всё прибывали, не замечая резни вокруг, одержимые одной только мыслью, оставшейся в их головах.

Убить. Убить. Убить.

Словно подгоняя фанатиков вперёд, в первых рядах стоял Лютор Гусс. Пламя окрашивало его броню в красный цвет. Он врубался всё глубже в ряды зверолодов, и кровь, словно ореол, разлеталась вокруг него. Неуклюжие варгоры, угрожающе рыча, проталкивались к нему. Он убивал их одного за другим, проламывая шишковатые черепа и отрывая их мерзкие лапы. Боевой молот мерно вздымался и опускался, словно могучий колокол, и кровавый ореол вспыхивал с новой силой.

Гусс бился без боевых кличей. Только губы шевелились в такт безмолвной молитве. Лицо оставалось непроницаемой маской. В отличие от своих безумных последователей он был спокоен. Упорно и методично он шаг за шагом продвигался через дворик, пока не оказался под карнизом у крыльца часовни.

Двери были разломаны. Гусс пролетел мимо ревающего гора, походя сломав ему позвоночник о каменный дверной косяк, и пинком выбил остатки дверных досок. С нефа доносились грязные звуки резни.

Лютор прошёл внутрь, широкими кругами вращая молот. Два гора яростно набросились на него из тени и потянулись к горлу. Не останавливаясь, он отмахнулся своим оружием. Золотое навершие, мелькнув, врезалось в череп первого зверолода и откинуло его под ноги второму. Ошеломлённые горы растянулись на полу. В тот же миг из дверного проёма высыпали фанатики. Готовые разорвать на части любого, они с жадно раскрытыми ртами и вытянутыми пальцами набросились на лежащих зверей.

С непроницаемым лицом Лютор устремился к нефу, беззвучно проговаривая свои бесконечные молитвы. Люди в часовне были ещё живы. Там, впереди, у престола, на котором в окружении закопчённых свечей лежала запятнанная плащаница, сражалось около дюжины горожан. Окружённые зверьём со всех сторон, ряды защитников таяли на глазах.

Один из горов выступил вперёд. Он был огромен, гораздо крупнее остальных. Стоило Гуссу приблизиться, как гор, каким-то животным чувством почуяв опасность, обернулся.

На его бычьей морде, возле широко раздувающихся ноздрей красовались закруглённые бивни. Шкуру покрывали чёрные застарелые струпья, и повсюду оголённая кожа была разрисована мерзкими печатями сил разрушения. На широченных плечах покоился громадный двойной топор. Со спины свисал длинный изорванный плащ, грубо простроченный нитями, похожими на человеческие сухожилия. Гор гневно бил о землю острыми копытами, в крохотных красных глазках плескалась дикая ярость.

Увидев священника, он тут же испустил низкий хриплый рёв, вызывая его на бой. Мелькнуло лезвие топора, и тварь ринулась вперёд.

Лютор подобрался и поднял молот. Топор гора со свистом устремился ему в грудь. Гусс подставил молот и два оружия с громким лязгом столкнулись.

Гусс крикнул от удара и попятился назад. В предвкушении лёгкой победы зверь зарычал и нажал изо всех сил. Руки священника заныли от чудовищного давления, и он опустил своё оружие.

Зверь нырнул вперёд, кляцнув громадными челюстями. Гусс провернулся вокруг себя и сделал шаг назад, давая движению зверя вывести его из равновесия, затем остановился и занёс молот, целясь

чудовищу в бок. Зверолюд быстро опомнился, ушёл от удара и снова махнул топором.

Лезвие пошло по кругу, метя священнику в горло. Лютор опять отступил, и топор прошёл буквально в сантиметре от его шеи, затем устремился обратно в ближний бой. Он рванулся вперёд, опустив молот, и с бешеной силой врезался в чудище головой.

С тяжёлым стуком черепа столкнулись. Ошеломлённый гор попятился от священника. Гусс ударил его свободной левой рукой, отчего зверь ещё больше отшатнулся назад, и нанёс размашистый удар молотом.

Навершие пришлось чуть ниже челюсти. Размозжив кости, оно вырвала их из тела. Чудовище издало булькающий вой, и из открытой раны хлынули потоки горячей чёрной крови. Схватив рукоять обеими руками, Лютор отвлёл молот назад и для большей силы провернулся на пятке.

Череп зверя раскололся, словно глиняный горшок. Чудище попятилось назад, каким-то чудом оставаясь на ногах, несмотря на кровь, сочащуюся из разорванной шеи и стекающую ему на грудь, и, наконец, рухнуло на землю. Громадная туша дёрнулась несколько раз и затихла.

Тяжело дыша, священник огляделся. Повсюду в часовне его пылающие праведным гневом фанатики рвали оставшихся зверолоудов. Кое-где между рядами скамей ещё кипела битва, но главарь банды был повержен.

Ни победного крика. Ни улыбки на суровом лице. Гусс смотрел на алтарь и, не сводя глаз со священного камня, приветственно вскинул измазанный кровью молот.

- На всё воля Твоя, - прошептал священник, всё ещё силясь справиться с дыханием.

И двинулся вперёд, молот свистел из стороны в сторону в поисках новой добычи.

Она никогда не была красива. Ещё при жизни на её пухлом прыщавом лице, лежал отпечаток недель лишений и тяжёлой жизни в суровых северных землях Империи.

После смерти её лицо стало просто ужасно. Левая щека была оторвана, на её месте проглядывали зубы и челюсть. Вместо одного глаза зияла дыра, медленно заполнявшаяся кровью. Её брюхо, дряблый мешок жира, покрытый колотыми ранами, вываливался из разорванной одежды.

Гусс с нежностью посмотрел на неё.

Он не знал её имени. Он редко запоминал имена тех, кто поступил к нему на службу. По правде говоря, слова мало значили для него.

Поступки - вот что имело значение. Эта толстуха погибла, устлав пол вокруг себя трупами зверолоудов. На остатках её лица застыл след от злой ухмылки.

И такой она была прекрасна.

- Дочь Зигмара, - вздохнул Гусс, нежно проведя пальцами по уцелевшему веку.

Закрыв глаза, он стоял на коленях перед её ещё тёплым телом. Он будет долго молиться о ней.

- Лорд Гусс!

Резкий, противный голос маркграфа Борса фон Ахена прервал его размышления. Раздражённому такой

бесцеремонностью священнику стоило немалых усилий взять себя в руки. Медленно, каждым своим движением давай понять, что он думает о маркграфе, Гусс поднялся от тела погибшей женщины.

Повсюду в часовне лежали трупы. Зверолюды и фанатики покоились друг на друге, сцепившись в жутких холодных объятиях. Запах стал уже невыносим. Скоро соберут костры и зажгут пламя. И для праведников, и для грешников. Со двора доносились рыдания: слёзы облегчения, слёзы горя и избавления. Война окончилась, но впереди было ещё много работы.

Гусс посмотрел на фон Ахена. Шёлковые одежды исчезли, на толстяке был натянут тесный, явно не по размеру камзол; седые волосы были испачканы и лежали как попало. Он укрывался за алтарём вместе с остальными, и чтобы спасти ему жизнь многие отдали свои.

- Лорд-священник, - охнул Борс и бросился Гуссу в ноги. Его трясло. - Простите меня. Вы были правы. Мы пытались отбиться. Всеми богами клянусь, пытались, но их было...

Он жалостливо посмотрел на Гусса, в глазах плескались страх и раскаяние.

- Вы были правы, священник, - опять начал он. - Что мне сделать? У меня есть золото. Я могу жаловать вам титул. Ну, скажите же, что я могу сделать?

Гусс зло посмотрел вниз. Колени маркграфа стояли на теле той толстой женщины, а он даже не заметил.

Священник подумал, не убить ли его. Или хорошенько приложить по роже сапогом пару раз, чтобы эта жирная физиономия превратилась в кровавое месиво.

Стало бы легче. К тому же это вполне достойное наказание за разорение земель, которые были вверены ему.

Нужно сдержаться. Это было бы слишком... по-зверски.

- Ещё не поздно исправиться, маркграф, - произнёс Лютор Гусс, потянувшись к кожаному поясу. Он достал длинный металлический прут. - И вот что можно сделать...

Глаза Борса расширились, когда на конце прута он увидел символ кометы с двумя хвостами. Железо было холодно и чёрно, словно потухшие угли. Но он знал, что это. Он видел, как быстро раскаляется клеймо, как оно нагревается в языках костра, пока не начнёт пульсировать красным, будто умирающее солнце.

- Что вы...

- Все покаявшиеся носят метку, - мягко произнёс Гусс. - Вы ведь раскаиваетесь, маркграф? Хотите очистить свою душу?

Фон Ахен замотал головой. Это не то на что он рассчитывал. Бледное лицо Борса исказилось от ужаса, и он принялся подниматься с колен.

Гусс наклонился, и железная перчатка тяжело легла на плечо маркграфа. На лоб фон Ахена упала тень клейма, словно указывая то место, где будет метка.

- Несите дрова, дети мои, - громко приказал Гусс, зная, как быстро займётся пламя. - У нас новый последователь.

Припомнив самопожертвование тех, кто освобождал Кольсдорф, он одарил маркграфа диковатой

улыбкой. Краем глаза он видел, как фанатики ринулись выполнять его приказ. Борс фон Ахен дёргался, но был до противного слаб.

- Отбрось страх, - произнёс Гусс, поворачивая прут с клеймом и любясь тенями, которые оно отбрасывало на лице толстяка. - Боль мимолётна.

На этот раз Гусс улыбнулся по-настоящему, и, словно солнечный луч, пробившийся сквозь пыльный витраж, блаженный свет на миг преобразил печальное лицо священника.

- Спасение, истинно говорю тебе, вечно.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Поступь_смерти_/_The_March_Of_Doom_\(рассказ\)&oldid=9253](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Поступь_смерти_/_The_March_Of_Doom_(рассказ)&oldid=9253)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 08:14.